

Указывая, что до сих пор «ся обретают токмо некои и уделни годописци у Русов, Ляхов и Чехов», он с огорчением отмечал: «а обо всем целом народу годных и потребных историй или изпоминков и старинних повестей, нигде еще несть било видеть».⁷¹ Это утверждение Крижанича не соответствовало истине: попытки составления общеславянской истории не раз предпринимались и в XVI, и в XVII вв. Можно предположить, что Крижанич не знал о «Польской хронике» М. Стрыйковского (1582) и об «Анналах» С. Сарницкого (1587), уделявших большое место истории соседних с Польшей народов,⁷² можно усомниться в его знакомстве с книгой М. Орбини, стремившегося охватить весь славянский мир. Наконец, вполне вероятно, что он ничего не знал об «Общеславянской истории» Леваковича, так и не увидевшей света и оставшейся в рукописи.⁷³ Но уж во всяком случае он был достаточно хорошо знаком с книгой М. Кромера, в которой речь шла не только о Польше, но и обо всех славянских народах.

Вообще книг по истории славянства накопилось к тому времени уже немало, поэтому слова Крижанича об отсутствии «годных историй... обо всем целом народу» следует объяснять лишь тем, что он не был удовлетворен существующими книгами и не считал их «годными», поскольку они содержали «множайшая басни, и клеветства, и злооглашения... о всем купно народе словенском».⁷⁴ Чтобы покончить с этими «злооглашениями», умаляющими роль славян в истории человечества, надо было, по мнению Крижанича, «списать историю правдиву и совершенну сего царства и всего народа словенска».⁷⁵ И поэтому Крижанич обратился к русскому царю с просьбой назначить его придворным историографом и поручить ему выполнение этого труда.⁷⁶

Сохранились материалы, показывающие, что Крижанич всерьез занимался изучением литературных источников, содержащих сведения об историческом прошлом славянских народов. Он сделал многочисленные выписки из книг М. Кромера, П. Пясецкого, С. Старовольского, из русской летописи и из других сочинений и частично использовал эти выписки в своей «Политике».

Поскольку замысел Крижанича не был осуществлен, трудно судить о том, в какой степени его предполагаемый труд по истории «всего народа словенска» должен был отличаться от известных и неизвестных ему книг его предшественников. Ясно лишь, что наибольший интерес для Крижанича представляла критика тех легенд и теорий (теория о четырех монархиях, легенда о князьях Владимирских, о принятии Владимиром Мономахом даров от византийского императора и др.), которые, по мнению Крижанича, не только противоречили исторической правде, но и подрывали национальное достоинство русского народа и всех славян.

Об этом интересе Крижанича к исторической критике свидетельствуют многочисленные фрагменты «Политики» и книги «Об божием смотреию». Можно заметить, что Крижанич обращается к сюжетам русской и «всеславянской» истории большей частью именно для того, чтобы с их помощью дать бой сторонникам той или иной историко-политической теории, умаляющей достоинство славян.

⁷¹ Там же, стр. 2.

⁷² Первольф, стр. 103, 127.

⁷³ Wollman, стр. 28.

⁷⁴ Белокуров, стр. 173.

⁷⁵ Там же.

⁷⁶ Русское государство, т. 2, стр. 2.